

2
караван судов (образн.) — группа судов; обычно слово *караван* обозначает группу выючных животных, перевозящих грузы, людей (в пустыне, степях)

3
«Орбита» — система спутниковой телевизионной связи, а также дубли программ Центрального телевидения для различных районов Советского Союза, передаваемых с помощью этой системы

4
оздоровительный интернат — детское лечебно-профилактическое и учебное учреждение, в котором дети живут (и школьники и учатся) и проходят лечебно-профилактические процедуры

5
техникум — среднее специальное учебное заведение

6
фельдшер — помощник врача, лицо со средним медицинским образованием

7
диплом — документ, свидетельство об окончании высшего или среднего специального учебного заведения

8
каюр (ненецк.) — погонщик оленей или собак, запряжённых в длинные узкие сани — нарты

9
зоотехник — специалист по разведению сельскохозяйственных животных

10
школа-интернат — учебное заведение, в котором дети не только учатся, но и живут в связи с тем, что их место жительства находится далеко от школы. Такой тип школ характерен для отдалённых сельских районов и районов с суровыми климатическими условиями

11
«Спидола» — марка радиоприёмника

12
шефство — общественная деятельность, форма взаимопомощи

13
колхоз — добровольное объединение трудящихся крестьян для совместного ведения социалистического сельскохозяйственного производства на основе общественных средств производства и коллективного труда; **совхоз** — крупное высокомеханизированное государственное (в отличие от колхоза) сельскохозяйственное предприятие

14
аграрно-промышленное объединение — единый специализированный производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого входят различные предприятия, имеющие между собой производственные связи

Литературные портреты

Песня бури

К 100-летию со дня рождения А. А. Блока

Можно представить себе, как через огромный материк русской культуры, пересекая его сверху вниз, оплетая бесчисленными притоками, течёт, набирая силу движения и звучания, неиссякаемая река русской поэзии.

И есть в этой необыкновенной реке Блоковский пережат. Александр Александрович Блок.

Он жил и творил на рубеже двух эпох. Он оказался последним великим поэтом старой, дооктябрьской России, и вместе с тем его именем открывается первая, заглавная страница русской советской поэзии.

Поэт родился в 1880 году и умер в 1921. Жизнь России за эти четыре десятилетия ознаменовалась величайшими социально-политическими событиями.

Промышленный подъём в стране и рост рабочего класса. Новый — пролетарский — период освободительного движения и создание большевистской партии. Поражение царизма в войне с Японией, новый революционный взрыв 1905 года и тяжёлое время реакции, затем новый подъём революционной борьбы, антинародная империалистическая война и свержение самодержавия. Наконец, Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская война и начало строительства социалистического мира — таковы эти решающие исторические события.

Поэт Блок был далёк от многих политических проблем, но сама правда поэзии расставляла в его духовном мире те точные ориентиры, которые давали ему возможность в одиночку выбрать правильное направление. И Блок отразил в своём творчестве существенные черты своего бурного, переломного времени — отблеск русских революций лежит на его стихах и поэмах.

Писать стихи всерьёз Блок начал восемнадцати лет. Окончательно сложился как поэт накануне 1905 года. Полного расцвета его творчество достигло в 1907—1916 годах. Последние, всемирно известные произведения Блока, величественно увенчавшие его творчество, — «Двенадцать», «Скифы» — были созданы сразу после Октября, в январе 1918 года. Таким образом, творческий путь Блока укладывается в двадцать лет. За это сравнительно короткое время поэт пережил стремительное развитие. Из уединённого лирика, автора «Стихов

о Прекрасной Даме», он вырос в поэта национального, поэта-трибуна, осознавшего свой долг и своё право сказать миру новую историческую правду, рождённую революцией.

Блок был человеком своей среды. Его миром был мир высокой просвещённости. Он родился в семье потомственных русских интеллигентов: его дед был ректором Петербургского университета, отец — профессором права, мать — писательницей, переводчицей. Его женой стала дочь великого русского учёного Д. И. Менделеева¹.

Путь, который прошёл Блок, не был ровным, прямолинейным. Но была в этом пути глубокая закономерность.

Вступив в литературу, Блок связал свою писательскую судьбу с символизмом². Внутренний разлад его с этим течением определился уже в 1907—1908 годах. В своём стремительном взлёте Блок высоко поднялся над теорией и практикой русского символизма. И понять общий смысл поэзии Блока можно лишь применив к ней большой исторический масштаб. В зрелую пору творчества Блок — в широком и бурном потоке великой русской литературы с её гуманизмом и демократическими традициями, громадными темами, важнейшими идейно-художественными проблемами.

«Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу», — сказал однажды Блок. Он хорошо знал и могучую силу искусства, и ту ни с чем не сравнимую ответственность, которую накладывает на художника его дело. «Только о великом стоит думать», — говорил Блок, — только большие задачи должен ставить себе писатель; ставить смело, не смущаясь своими личными малыми силами». Блок относился к искусству строго и

требовательно и сам служил ему преданно и самозабвенно.

Читая стихи, поэмы, драмы Блока, мы вступаем в громадный, необыкновенно богатый в своих красках и звучаниях неповторимый творческий мир.

Мир этот исполнен резких контрастов и противоречий. Центром этого мира, его связующим началом служит образ поэта, лирического героя. Блок открыто и прямо, как редко кто до него, утверждал в поэзии свою литературную личность, своё лирическое «я». Он сам охарактеризовал свои стихи как растянувшийся на много лет «дневник жизни».

Как всякий большой художник, Блок, говоря о себе, сказал миру об общем, раскрыл душевный мир своего современника — русского человека, жившего на рубеже двух миров, двух исторических эпох.

Блок был необыкновенно чуток к подземному гулу надвигающихся «невиданных мятежей» и «неслыханных перемен», о которых он пророчески сказал в поэме «Возмездие» (1910—1921). Накануне революции он гениально выразил на языке поэзии чувство тревоги, всецело охватившее его чувство обречённости старого мира, глубокого его кризиса.

И вот наступил Октябрь.

Блок ждал революцию и приветствовал её. «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушал он Революцию. Он надеялся на её очистительную бурю и накануне Октября записал в дневнике: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит всё в стране».

Блок видел в революции единственное спасение России и искусства. И когда Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет³ после

победы Октября пригласил в Смольный и художественную интеллигенцию Петрограда, чтобы обсудить с ней вместе насущные вопросы развития культуры, среди деятелей культуры, пришедших в Смольный, были Александр Блок и Владимир Маяковский.

Великая сила Революции создавала своих великих художников, и эти художники создавали шедевры, достойные Революции. Среди них — поэма Блока «Двенадцать».

Поэма «Двенадцать» стала первым памятником Революции и лебединой песней⁵ поэта, его последней песней, вершиной его гения, вершиной, с которой виден весь трудный путь его подъёма.

Блок написал «Двенадцать» по горячим следам событий, через два месяца после победы Октября. Написал быстро, за несколько дней. Очевидно, сам материал, сами события, перспектива, которая вдруг открылась перед поэтом, так захватили и воодушевили его, что он, по обыкновению очень строгий судья всего выходящего из-под его пера, на этот раз, закончив поэму, записал в дневнике: «Сегодня я — гений».

Сойдя со страниц газеты, уже отделившись от своего создателя, поэма начала самостоятельную жизнь. Сила её воздействия была огромна. Она объясняла. Предупреждала. Звала. Организовывала. Поэма жила, действовала — на улице, в цехах, на фронте:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Она подбадривала, наполняла верой, воодушевляла:

Вперёд, вперёд,
Рабочий народ!

Она стала народным явлением. Явлением Революции. Взрывной силой её действия.

Со всей силой звучит сегодня мощная симфония поэзии Блока, и в ней наш слух выделяет самые звонкие, особенно понятные и близкие нам звуки.

Это — ликующая нота узнавания и принятия жизни:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Это — понимание жизни как творчества, воплощения и созидания, как деяния и подвига:

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — воочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Это — чувство беспредельной любви к Родине:

...леса, поляны,
И просёлки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наша русские туманы,
Наша шелесты в овсе...

Это — вдохновенный призыв к братству, к миру, обращённый от лица России ко всему человечеству:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны.
Товарищи! Мы станем — братья!

Есть в великой реке русской поэзии Блоковский пережат, живой, бунтующий, клокощущий страстью и непобедимой силой устремлённости в завтрашний день. Этот пережат возник на грани двух миров, и вместе с породившей его революцией он держит связь времён и поколений.

Словно обращаясь к миру и к себе, размышляя о своей судьбе, Александр Блок писал:

Пусть душит жизни сон тяжёлый.
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

Слова эти оказались пророческими. Поэзия Блока снизкала признание во всём мире.

КОММЕНТАРИИ

1
Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский учёный-химик, им открыт периодический закон химических элементов

2
символизм — направление в искусстве конца XIX — начала XX вв., провозгласившее основой художественного творчества символ, который служит посредником между действительностью и иными мирами, между художником и божеством. Для символизма характерна нарочитая туманность, условность и стилизация образов, намёки, недомолвки, иносказания. В России символизм появился в 80-х годах прошлого века (писатели К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, Ф. Сологуб, А. Белый и др.). Творчество выдающихся поэтов-символистов (А. А. Блок, В. Я. Брюсов) выходило за узкие эстетические рамки этого направления

3
Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) — верховный законодательный, распорядительный и контролирующий орган РСФСР, действовавший на основе Конституции РСФСР 1918 г. (а затем 1925 г.)

4
Смольный — историко-революционный и архитектурный памятник в Ленинграде. В октябрьские дни 1917 г. в этом здании помещался Петроградский Военно-революционный комитет. После Октября здесь размещались ВЦИК, Совнарком, Народный комиссариат, ЦК Коммунистической партии и аппарат центральных органов власти

5
лебединая песня (фраз.) — последнее, обычно наиболее значительное произведение кого-либо; последнее проявление таланта, способностей (от народного поверья, что лебедь поёт один раз в жизни, перед самой смертью)

Как читал свои стихи Александр Блок

Современники поэта рассказывали, что Блок читал свои стихи в присущей лишь ему манере, что только в его чтении и можно было постичь до конца красоту их мелодии, глубину мысли, трепетность чувства; что когда после Блока его стихи брались читать актёры, часто было неловко их слушать.

Прежде всего в чтении Блока поражала предельная простота, естественность исполнения. Поэт не использовал никаких ярких декламаторских приёмов, но, тем не менее, его чтение глубоко волновало слушателей.

К этой сдержанно-благородной манере произнесения стиха Блок пришёл не сразу. В юности, одно время готовясь стать актёром, выступая в любительских спектаклях, декламируя в знакомых домах, он читал более «эффектно».

Наибольшее количество воспоминаний о чтении Блока относится к его выступлениям на «средах» известного в те годы поэта-символиста Вячеслава Иванова.

Известный советский писатель К. И. Чуковский¹ вспоминал:

«Я помню ту ночь, перед самой зарёй, когда он впервые прочитал „Незнакомку“, кажется, вскоре после того, как она была написана им.

...И Блок, медлительный, внешне спокойный, молодой, загорелый... по нашей неотступной просьбе... прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, трагическим голосом, и мы впитывали в себя её гениальную звукопись и

заранее страдали, что сейчас это очарование кончится, а нам хотелось, чтобы оно длилось часами, и вдруг, едва он произнёс последнее слово, из Таврического сада, который был тут же, внизу, донеслось соловьиное пение...

В ту пору далёкой юности поэзия Блока действовала на нас, как луна на лунатиков. Сладкозвучие его лирики часто бывало чрезмерно и нам в ту пору казалось, что он не властен в своём даровании и слишком безвольно предаётся инерции звуков...

Он был тогда не столько владеющий, сколько владимый звуками, не жрец своего искусства, а жертва. В ту далёкую, раннюю пору, о которой я сейчас говорю, деспотическое засилие музыки в его стихах дошло до необычайных размеров.

Буйное цветение молодости чувствовалось и в его великолепных кудрях, которые каштановыми короткими прядями окружали его лоб, как венки. Никогда ни раньше, ни потом я не видел, чтобы от какого-нибудь человека так явственно, ощутимо и зримо исходил магнетизм.

Чтение Блока удивительно гармонировало с его внешним видом, что отмечали и другие мемуаристы.

Поэт С. Городецкий вспоминал:

«В своём длинном сюртуке, с изысканно-небрежно повязанным мягким галстуком, в нимбе пепельно-золотых волос, он был романтически прекрасен тогда, в шестом-седьмом году². Он медленно выходил к столику со свечами, обводил всех каменными глазами и сам окаменевал, пока тишина не достигала беззвучия. И давал голос, мучительно-хорошо держа строфу и чуть замедляя темп на рифмах. Он заворачивал своим чтением, и, когда кончал стихотворение, не меняя голоса, внезапно, всегда казалось, что

слишком рано кончилось наслаждение и нужно было ещё слышать».

Современники свидетельствуют о том, что чтение Блока «наполнилось страстью» в период сближения с театром Комиссаржевской³, когда был создан цикл «Снежная Маска». Но прежняя сдержанность оставалась и в это время.

Актриса этого театра Н. Н. Волохова вспоминала:

«Читал Александр Александрович хорошо, музыкально, глуховатым голосом, несколько торжественно и даже важно. Эта важность была вообще свойственна ему при чтении своих стихов, именно важность, а не напыщенность: как бы уважение к тому, что он несёт в себе. Это чувство прошло через всю его жизнь: стихи — не писание, а некая миссия, которой он был обречён».

Это и подобные свидетельства говорят о предельной серьёзности, сосредоточенности поэта в моменты чтения. Поэт как бы вызывал в своей эмоциональной памяти те представления и чувства, которые владели им при создании стихотворения, входил в круг волновавших его тогда идей. А поскольку идеи эти всегда были значительны, это и определяло тот оттенок его чтения, который мемуаристы называют «важностью» и «значительностью».

Чтобы передать это «важное», «заветное» слушателю, Блоку и надо было сделать как можно более «нейтральной», незаметной саму форму передачи, в данном случае — декламацию.

И это, как ни кажется странным на первый взгляд, приводило к чрезвычайно сильному воздействию такой, казалось бы «нев्यразительной», декламации на аудиторию.

«В самых, казалось бы, патетических местах своих сти-

хов он изумлял бесстрастной ровностью голоса, отсутствием каких-либо внешних признаков волнения, и именно это в связи с драматизмом содержания потрясало его слушателей», — писала современница Блока поэтесса Е. Полонская.

Внешняя сдержанность Блока отнюдь не исключала эмоциональности исполнения. Особенно когда поэт читал недавно написанные стихи, он как бы заново переживал их и это переживание передавал слушателям.

О выступлении Блока на большом литературном вечере весной 1915 года рассказывает поэт П. Г. Антокольский⁴:

«Как бы незаметно, неслышимо, когда, в какие восемь или семь секунд вырос этот стройный человек с бледным лицом, с шапкой золотых волос... Вошёл скромно и неожиданно. В застёгнутом наглухо скюртуке. Молчаливый и не похоже было на то, что он разожмёт вообще губы. И аудитория... мертвая тишина на несколько считанных отрезков времени и потом — овация, которая неслыханная была за этот вечер.

Это был Александр Блок. Александр Блок начал читать. Другие товарищи, старшие меня, вспоминали о том, что за несколько лет перед тем Блок читал упоительно, как поэт, с полной отдачей себя ритму. На этот раз было совершенно другое.

Я бы сказал, что Блок как-то, казалось бы, нарочно прозаизирует свои стихи. Он докладывает публике слова, которые почему-то оказались соединёнными тем или другим ритмом, и причём он совершенно как-то, совершенно опустил из виду, что эти слова им-то сочинённые.

Утреет, с богом, по домам,
Позвякивают колокольцы...
и так далее, —

вот так, почти растерянно, он произносит стихи. Но аудитория была даже этим наэлектризована...

Кончил — и такая же точно овация, как при его выходе».

Глубоко спрятанная, но подлинная взволнованность поэта прорывалась сквозь его внешнюю сдержанность, даря слушателям ни с чем не сравнимое переживание.

«Раз только довелось мне заметить, как магический ритм надломился. Это было... в зале Петроградской городской думы. Блок прочитал „Река раскинулась...“, прочитал „К Музе“, прочитал „Грешить бесстыдно, непробудно“ — всё прочитал, не изменяя своей антидекламаторской, антиактёрской, своей священнодейственной манере, — и начал читать „На железной дороге“... Он дочитывал уже последние слова:

Любовью, грязью иль колёсами

Она раздавлена...

И вдруг что-то случилось: губы дрогнули, голос жалобно зазвенел. „Всё больно...“ — прошептал он потерянно и, не поклонившись, быстро ушёл с эстрады», — читаем мы в воспоминаниях писательницы Е. Тагер «Блок в 1915 году».

Назойливые требования публики читать одни и те же стихи, неприязнь к эстраднему успеху, нежелание превращаться из поэта в декламатора — всё это приводит к тому, что Блок всё менее охотно соглашался на публичные выступления и даже выступает против подобных чтений, полагая, что читать давно написанные и давно пережитые стихи — «дело недобросовестное».

В статье «Вечера „искусств“» Блок приводит ряд объективных аргументов против подобных вечеров. И есть там одна фраза, которая, ка-

жется, говорит больше, чем в ней написано: «Я сам не раз читал на вечерах „нового“ и не нового искусства, с благодетельной целью и, — увы! — даже без оной... но всегда и всюду уносил чувство недовольства собою, чувство досады от нелепо и уродливо проведённого вечера; мало того; всегда было чувство, как будто я сделал что-то дурное...». Вероятно, дело было ещё и в том, что, читая стихи внешне предельно сдержанно, но очень искренне, «исповедально», поэт каждый раз после такого чтения испытывал чувство неловкости именно потому, что он говорил чужим, незнакомым людям о своём сокровенном. И в ответ на эту речь «о жизни и смерти» получал... цветы и аплодисменты.

Его чтение стало ещё более «бесстрастным», но тем не менее производило глубочайшее впечатление на слушателей.

Так, развиваясь и несколько видоизменяясь с годами, блоковская манера декламации всё более обнаруживала то главное качество его поэзии и личности, которое имел в виду М. Горький, назвав Блока «человеком бесстрашной искренности».

Может быть, это и было самым существенным, самым значительным в декламации Блока. Ведь и «сдержанность», и «простота» (не исключая «важности»), и то, что Блок читал таким же тоном, как и говорил в обычной жизни, и то, что он одинаково «просто и внятно» читал и в дружеском кругу, и в случайном собрании поэтов, и в концертном зале, — все эти более-менее частные черты покрываются более важным и существенным обстоятельством, главной целью Блока-поэта и Блока-декламатора — «каждого поставить перед самой правдой».

В период создания стихов цикла «Страшный мир» (1909—1916) чтение поэта при сохранении прежнего ритма приобрело по свидетельству современников оттенок «смертельной усталости», оставаясь всё так же предельно сдержанным и вместе с тем искренне-исповедальным.

«Когда он читал „Пляски смерти“ или „Унижение“, он как будто и сам сознавался, что он виноват и нас спрашивал: а вы разве не виноваты в существовании этого страшного мира? И от этого вопроса мы все опускали головы», — пишет поэтесса Н. А. Павлович.

Молодой, весёлый, бодрый, с сияющими глазами — таким в первые месяцы после Октябрьской революции рисуют Александра Блока его биографы, основываясь на свидетельствах ближайших к нему людей.

Сестра его матери, М. А. Бекетова, пишет:

«Переворот 25 октября⁵, крах Учредительного собрания⁶ и Брестский мир⁷ Александр Александрович встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции. Ему казалось, что старый мир действительно рушится и на смену ему должно явиться нечто новое и прекрасное. Он... прислушивался к этой „музыке революции“, к тому шуму от падения старого мира, который непрестанно раздавался у него в ушах по его собственному свидетельству. Этот подъём духа, это радостное напряжение достигло высшей точки в то время, когда писалась знаменитая поэма „Двенадцать“ (январь 1918 г.). Поэма создалась одним порывом вдохновения, сила которого напоминала времена юности поэта».

Блок никогда не декламировал «Двенадцать» несмотря на настойчивые просьбы слушателей, многие из которых

восторженно приняли это произведение.

Вероятно, это происходило от того, что сдержанность выработанной им манеры чтения не могла вместить в себя резкие ритмические контрасты и могучую звукопись поэмы. Блок не мог исполнить её так, как она услышалась ему самому. Косвенным свидетельством того, как поэт представлял себе возможное исполнение его произведения, является его отношение к чтению этой поэмы Любовью Дмитриевной Блок, женой поэта, профессиональной актрисой.

По свидетельству современника А. А. Блока С. Алянско-го, Любовь Дмитриевна исполняла поэму «с таким искусством, какого мне впоследствии не пришлось услышать ни от одного прославленного артиста. ...Она использовала весь арсенал приёмов, средств и красок актёрского мастерства. Исполнение было острым и интересным, особенно пленяло сочетание низкого, красивого голоса актрисы с грубоватыми интонациями героев поэмы, в которых слышались то народная частушка, то народная песня.

Исполнительница пыталась показать и разнообразный музыкальный ритм поэмы, и нужно сказать, что ей часто это удавалось».

Блок слушал исполнение Любви Дмитриевны несколько раз в различных аудиториях, в том числе и в таких, которые мало были подготовлены для восприятия стихов, и отмечал, что по его мнению поэма в этом исполнении «до слушателей доходит».

О том, как читал свои стихи поэт в последние годы жизни, сохранилось особенно много свидетельств, так как в 1920 и 1921 годах поэта видело и слышало особенно много людей. Вечера Блока проходили в больших концертных залах Москвы и Петрограда.

Об одном из последних выступлений Блока в Москве, в большой аудитории Политехнического музея, рассказывает Н. А. Павлович:

«Блок вышел — очень простой, обыкновенный, в первую минуту даже некрасивый. Серый костюм. Усталое лицо, крепко сжатый рот.

Зал дрогнул волнением первой встречи... Потом аплодисменты без конца. Его очень любили и читали как первого русского поэта нашего времени.

Блок стоял, наклонив голову, — ждал.

Потом стал читать.

Вся красота и строгость этого лица просияли перед нами: он весь был такой, как его стихи...

Читая, Блок шёл от смысла стихов, но самая музыка стихов, их ритм и смысл были слиты нераздельно и органично, поэтому его чтение так потрясало слушателей.

При этом в чтение своё он вкладывал глубоко личный оттенок, его стихи воспринимались, как запись дневника, и единственной внутренней защитой их была только их высокая гармония».

...Середина лета 1920 года. Идёт гражданская война. Не хватает топлива, продовольствия. Но в эти тяжёлые для молодой республики дни в клубе «Красная швея» читается лекция о великих утопистах Оуэне и Фурье. А молодой учёный-лингвист, научный сотрудник Института живого слова Сергей Бернштейн записывает на фонограф чтение Александра Блока.

Запись происходила 21 июня в гостиной Дома искусств. Блок пришёл в сопровождении жены Любви Дмитриевны и Корнея Ивановича Чуковского. Первыми были записаны стихотворения «Всё, что память сберечь мне старается», «Девушка пела в церковном хоре», «Поздней осенью из гавани...»

Блок читал наизусть, но на всякий случай держал перед собой книгу. После записи аппарат был переключён на воспроизведение, и в комнате зазвучали только что прочитанные строки.

— Как странно слушать свой голос, — сказал Блок, — слышать извне то, что обычно звучит только внутри!

Записи эти делались не «для истории», а для практического изучения вопросов теории интонации, которое широко велось в те годы в Институте живого слова. Валики прослушивались сотни раз и профессурой и студентами, восковые бороздки «были стёрты до предела», как было отмечено в протоколе заседания 1940 года, когда впервые был поставлен вопрос: можно ли восстановить и реставрировать эти бесценные записи.

Техника того времени оказалась бессильной и только в 1966 году была получена первая фонограмма, пригодная для дальнейшей работы.

И по сей день звучание этих записей несовершенно, не все слова можно разобрать. И всё же, несмотря на многочисленные помехи и посторонние шумы, они дают представление о голосе Блока.

Даже эта несовершенная запись представляется бесценным подарком судьбы. Ведь так легко могло случиться, что она не была бы сделана или не сохранилась до наших дней.

Л. Шилов

КОММЕНТАРИИ

1
Чуковский Корней Иванович (1882—1969) — известный советский писатель и литературовед, автор книг «От Чехова до наших дней», «Некрасов как художник», «Книга об Александре Блоке», «Ма-

стерство Некрасова», «Современники» (литературные портреты А. П. Чехова, М. Горького, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреева, А. А. Блока и др.); Чуковским созданы также сказки для детей — «Мойдодыр», «Тараканище», «Муха Цокотуха» и др., популярная книга «От двух до пяти», содержащая размышления о детской психологии и речи; изучению современного русского разговорного языка посвящена книга «Живой, как жизнь»

2
в **шестом-седьмом году** — в 1906—1907-м годах

3
Комиссаржéвская Вéра Фёдоровна (1864—1910) — выдающаяся русская актриса

4
Антоко́льский Па́вел Григо́рьевич (1896—1979) — известный советский поэт, автор поэм «Сын», «В переулке за Арбатом», сборников стихотворений «Мастерская», «Сила Вьетнама», «Высокое напряжение», «Четвёртое измерение» и др.

5
переворот 25 октября — восстание 25 октября (7—8 ноября по новому стилю) 1917 г. в Петрограде, в результате которого вся власть в России перешла к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов

6
Учре́дительно́е собра́ние в Росси́и — представительное учреждение, подготовлявшееся после Февральской революции 1917 г.; в январе 1918 г. оно было распущено. В постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о роспуске Учредительного собрания отмечалась его контрреволюционная сущность

7
Бре́стский мир — мирный договор, заключённый в 1918 г. Советской Россией с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Подписан в городе Брест-Литовске (ныне Брест)

А. Блок СТИХОТВОРЕНИЯ

Прослушайте пластинку.

Вы услышите
голос
Александра Блока.

Лучше других
удалась
реставрация записи
стихотворения

«О доблестях,
о подвигах, о славе»,
фрагмент
которого мы предлагаем
вашему вниманию.

Стихи А. Блока
прозвучат
также в исполнении
мастеров искусств —

В. Качалова,
А. Коонен,
Г. Бортникова.

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твоё лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твоё лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

1908

О, весна без конца и без краю —
 Без конца и без краю мечта!
 Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
 И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
 И удача, тебе мой привет!
 В заколдованной области плача,
 В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
 Утро в завесах темных окна,
 Чтоб мои воспалённые взоры
 Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
 И колодцы земных городов!
 Осветлённый простор поднебесий
 И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
 С буйным ветром в змеиных кудрях,
 С неразгаданным именем бога
 На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
 Никогда я не брошу щита...
 Никогда не откроешь ты плечи...
 Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
 Ненавидя, кляня и любя:
 За мученья, за гибель — я знаю —
 Всё равно: принимаю тебя!

1907

О, я хочу безумно жить:
 Всё сущее — увековечить,
 Безличное — вочеловечить,
 Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжёлый,
 Пусть задыхаюсь в этом сне, —
 Быть может, юноша весёлый
 В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
 Сокрытый двигатель его?*

*Он весь — дитя добра и света,
 Он весь — свободы торжество!*

1914

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
 Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
 Сквозь бездну дней пустых, чьё бремя не избудешь.
 Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
 За прелесть дивную — постичь её нет сил.

Там — дикий сплав миров, где часть души вселенской
 Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в тёмном зале!
 Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
 Вот чьи глаза меня так странно провожали,
 Ещё не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
 К созвездиям иным, не ведая орбит,
 И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
 Где что-то жжёт, поёт, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
 Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
 Мелодией одной звучат печаль и радость...
 Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

1914

Пушкинскому Дому

Имя Пушкинского Дома¹
 В Академии Наук!
 Звук понятный и знакомый,
 Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
 На торжественной реке,
 Перекличка парохода
 С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
 Вслед медлительной волне,
 Всадник бронзовый, летящий
 На недвижимом скакуне².

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы чёрный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
и родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената³
Тихо кланяюсь ему.

1921

КОММЕНТАРИИ

1
Пушкинский Дом — Институт русской литературы Академии наук СССР (ИРЛИ), литературоведческое научно-исследовательское учреждение. Находится в Ленинграде. Основан в 1905 г. как музейно-мемориальный и источниковедческий центр пушкиноведения

2
Сфинкс и всадник бронзовый... — имеются в виду скульптура на берегу Невы, изображающая двух сфинксов, и памятник Петру I, на котором царь изображён сидящим на коне

3
площадь Сената — ад.: Сенатская площадь, одна из площадей Ленинграда

Рассказы об искусстве

К. С. Станиславский и театральные художники

К. С. Станиславский
(1863—1938)

